

Свѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 5

Сказки-коротышки

Государственная
Библиотека
С. П.
И. В. В. Ленин

Досузей Мышки

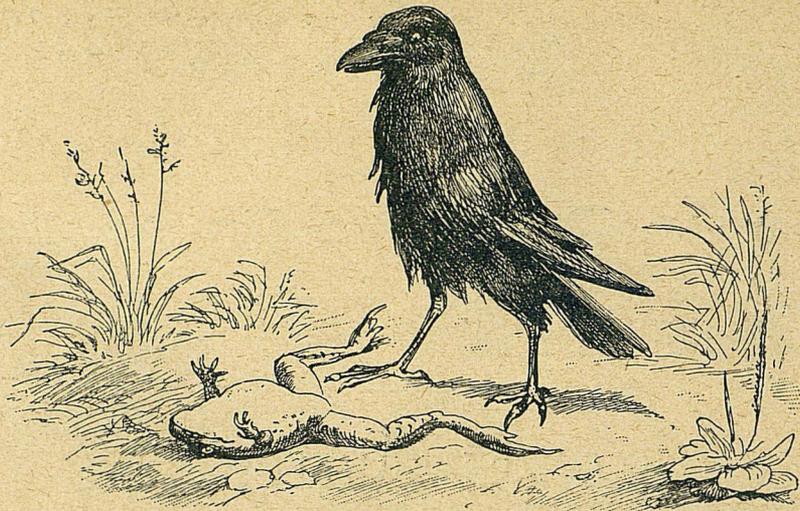

ДОБРОДѢТЕЛЬНИЦА.

ВОРОНА съ лягушкой въ дружбѣ жить захотѣла. Только лягушка ей не вѣрила. Да и сосѣдки говорили:—«Что ты невѣдомо съ кѣмъ водишься? Какъ ей, разбойницѣ, вѣрить?»

И надумала лягушка ворону выпытать. Растянулася на бережку, лапки врозь раскинула, лежитъ, не ворохнется; прямо надо сказать: умерла лягушка...

Идетъ ворона, увидала,—лягушка лежитъ. — Ахъ,—говорить,—жалость какая! Умерла, несчастная... А ужъ какъ же я ее крѣпко любила... Что же мнѣ теперь дѣлать?.. Надо помянуть добромъ голубушку. Возьму-ка я ее

за лапу, стащу въ гнѣздо... Ужъ бѣльшей чести не окажешь лягушкѣ,—какъ если я ее сама склюю...

Вскочила лягушка живѣхонька, здоровѣхонька,—показала воронѣ кулачокъ и говоритъ:

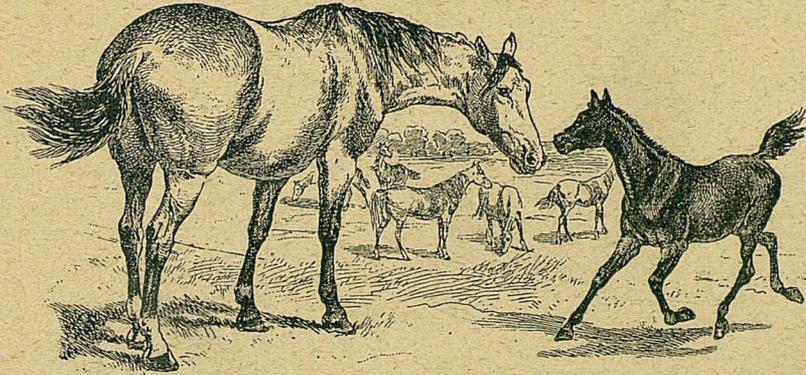
— А, такъ ты вотъ какая!.. — Да въ болото—бултыхъ!..

ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ.

БѢГАЕТЪ жеребенокъ вокругъ матери, шею гнетъ, хвостикъ вверхъ задралъ; ржетъ отъ радости да брыкается. Такъ, ни съ того, ни съ сего—разбѣжится да на бѣгу задними ногами и взбрыкнетъ. А мать спокойно щиплетъ траву

и во всё глаза за жеребенкомъ смотреть,—не было бы ему бѣды какой, не забидѣлъ бы кто его, какъ бы чужая лошадь его не лягнула,

какъ бы волкъ не подкрался къ нему, какъ бы жеребенокъ самъ сдуру въ оврагъ не упалъ.

А жеребенокъ на мать обижается, сердится: — Что ты со мной не побѣгаешь, не поиграешь?.. Словно дѣла до меня нѣтъ.

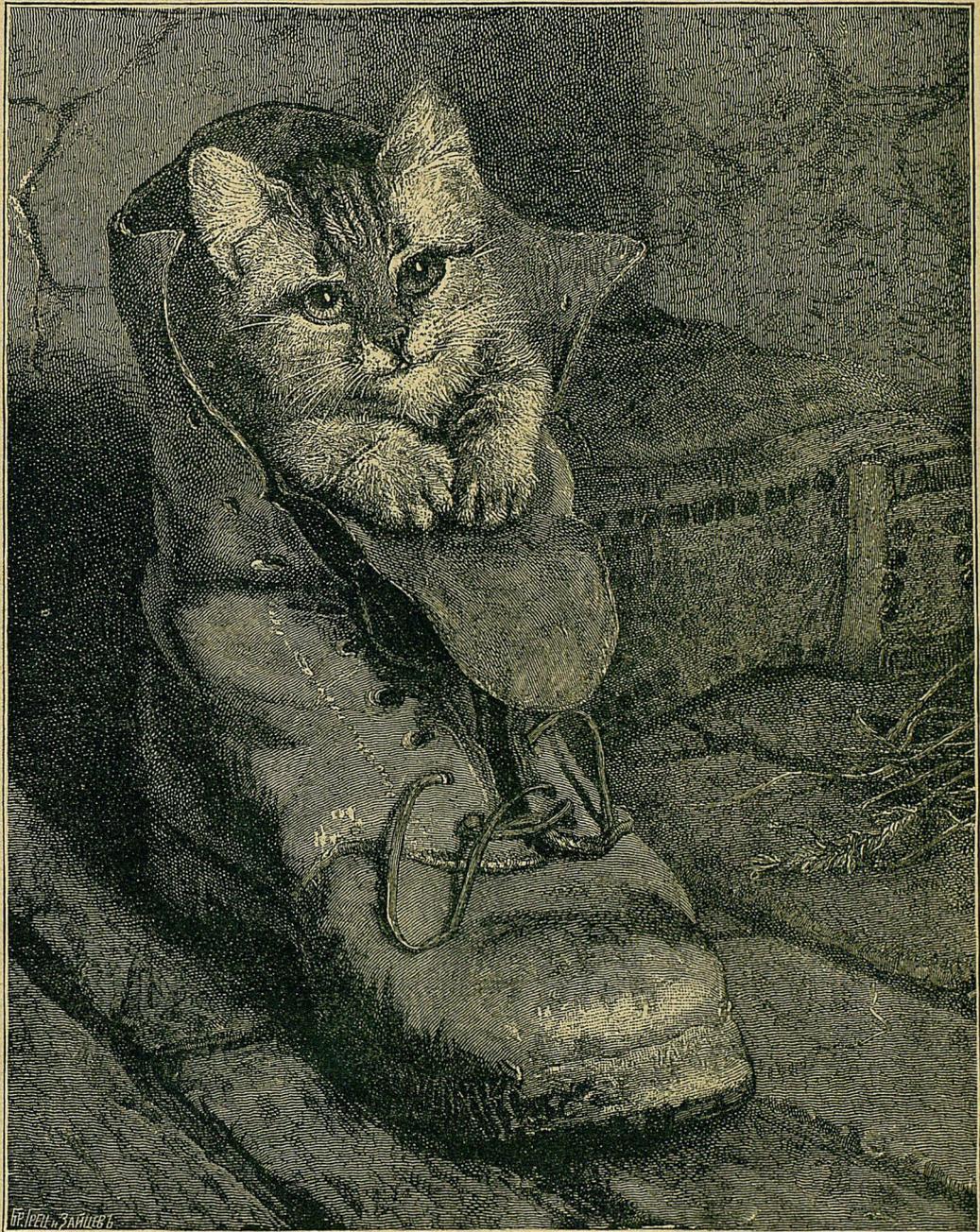
И говорить старая лошадь жеребенку:

— Знай-себѣ, бѣгай да играй.. А какъ выростешь съ меня да станешь работать,—телѣгу возить да соху по пашнѣ таскать,—на умъ тебѣ дурачество не взбредетъ. А какъ будетъ у тебя еще такой же, какъ ты, сорванецъ,—такъ у тебя только и хватить времени за нимъ слѣдить, чтобы онъ въ бѣду какую не попалъ.

Досужая Мышка.

Котикъ на зимней квартирѣ.

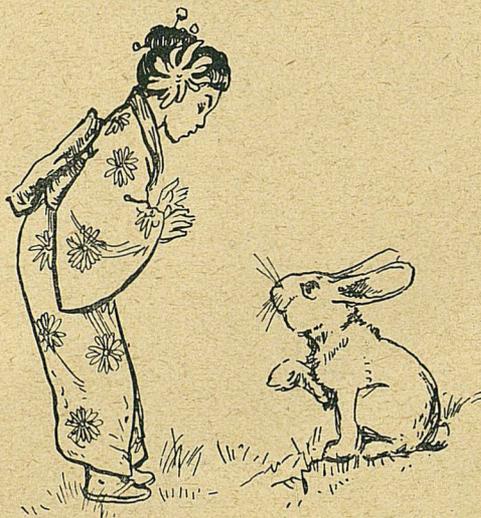
Котикъ—на дачѣ.

БЛАГОДАРНЫЙ ЗАЯЦЪ.

I.

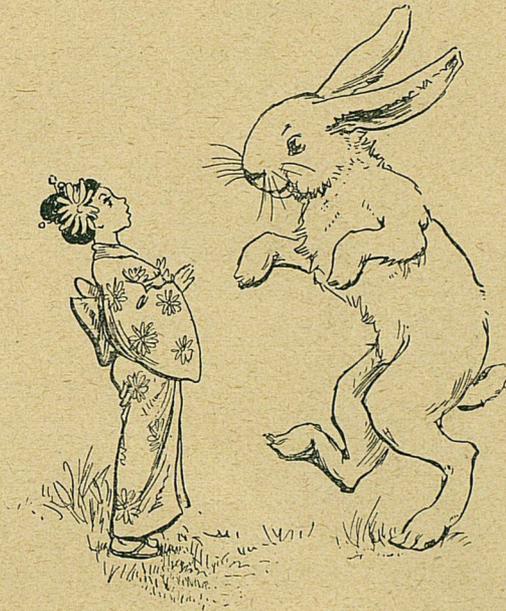
Малютка Япши вечеркомъ
Гуляла на лужайкѣ
И въ сочной травкѣ, подѣ кустомъ,
Вдругъ видитъ уши зайки...
Онѣ лапу занозилъ... Сидитъ
И плачетъ горемычный...
— „Не плачь!—японка говоритъ,—
„Я вылѣчу отлично!“ ...

— Ахъ, нѣтъ,—сказалъ заяцъ,—злая волшебница Капуста нарочно занозила мнѣ лапку, и пока заноза во мнѣ, я не могу больше расти и долженъ остаться такимъ крошечнымъ, слабымъ, ничтожнымъ зайчикомъ. А если ты дотронешься до занозы, то она вопьется въ тебя, и ты тоже больше расти не будешь.

— Ну, что жь,—сказала Яши,—лучше пусть будетъ такъ,
зато ты горевать не станешь...

И вынула малютка вонъ
У зайчика занозу,
А тотъ, безмѣрно восхищень,
Принесъ малюткѣ розу...
И острый шипъ вонзился ей
Въ мгновеніе въ ручонку...
Отъ боли Яши много дней
Рыдала потихоньку...

II.

Такъ Яши и осталась маленькой, а заяцъ росъ, росъ не по днямъ, а по часамъ и сталъ наконецъ онъ зайцемъ-богатыремъ, да что тамъ,—просто зайчищемъ-богатырищемъ...

И вотъ приходитъ какъ-то разъ
Къ малюткѣ заяцъ-воинъ...
—„О, Яши! Пробилъ славный часъ,
„И я теперь спокоенъ!..

„Тебя отъ чарь освобожу,
 „Ты снизошла къ зайчишкѣ...
 „Я-жъ за тебя кочанъ сгложу
 „До самой кочарыжки.
 „Твою увидѣлъ я любовь,
 „И заяцъ сталъ героемъ,—
 „Расти ты скоро будешь вновь,
 „Мы это все устроимъ!“...

И въ ту же ночь пробрался заяцъ-рыцарь на огородъ, къ капустной волшебницѣ и ну глотать ее...

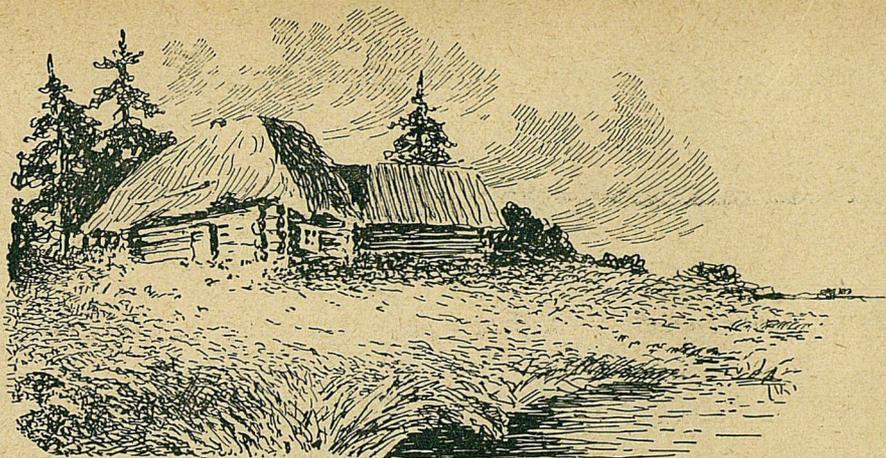
Что ни дѣлала Капуста, какъ ни пугала зайца—и собакой-то на него лаяла, и шлепала листьями: „пифъ-пафъ“—вотъ такъ, подражая выстрѣлу, и въ трубу трубила: „тра-та-та“, и воила: „Ату его, косоглазаго!“ — заяцъ глазомъ не сморгнулъ и все глодавъ, глодавъ ее до самой кочарыжки...

На утро смѣло онъ идетъ
 Въ фанзу къ японкѣ Яши
 И, какъ трофей какой, несетъ
 Ей кочарыжку въ лапѣ...
 Была побѣда нелегка,
 И чудо совершилось,—
 Все злыя чары кочешка
 Мгновенно испарились...
 И Яши выросла большой
 Красавицей-японкой,
 И надъ исторіей такой
 Сама смѣется звонко...
 Въ саду зайчишкѣ возвела
 Конурку съ дверкой, съ крышкой,
 Кругомъ капусту развела,
 И надпись на фанзѣ была:
 „За битву съ кочарыжкой“.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Чушка *).

РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками Н. Николаевского.

II.

ЛѢТО въ деревнѣ проходило для насъ, какъ чудный волшебный сонъ. То мы бѣгали по полямъ и лѣсамъ, то купались, то ѣздили на сѣнокосъ... Пришла пора, и поспѣли ягоды, начались грибы. Хотѣлось все видѣть, вездѣ побывать: мы такъ любили нашу родную деревню, наше привольное житье!..

Съ Чушкой наша дружба тоже окрѣпла. Врядъ ли кто можетъ себѣ представить, чтобы поросята могли привязываться и любить людей. Но я васъ увѣряю, что это бываетъ: Чушка положительно зналъ и любилъ тетю Варюшу.

*) Продолженіе. См. „Свѣтлячокъ“, № 4.

Онъ взвизгивалъ и потихоньку хрюкалъ, когда видѣлъ ее издали; онъ бросался ей навстрѣчу, терся около ея ногъ или ложился на спину и

поднималъ кверху лапки. Онъ бѣгалъ за тетей, какъ щенокъ, и если она садилась гдѣ-нибудь въ саду или на балконѣ читать, то поросенокъ

ложился на ея платъ у ногъ и пресмѣшно дремалъ, вытянувъ мордочку.

— Вмѣсто собаки у меня вырастетъ вѣрный другъ-поросенокъ, а послѣ будетъ цѣлая свинья гулять со мной, стеречь меня,—говорила тетя Варюша.

— Хорошъ другъ!.. Нечего сказать,—смѣялись мы.—Какъ же ты будешь ходить съ нимъ въ гости?

— Такъ и буду ходить... Приду, и Чушка придетъ со мной въ комнаты, а если такому гостю не будутъ рады, то онъ будетъ ожидать меня у порога или въ прихожей.

Мы всѣ весело и громко покатывались отъ смѣха, представляя себѣ, какъ тетя Варюша вмѣсто собаки выраститъ Чушку и какъ онъ будетъ ея другомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Чушка сталъ къ намъ гораздо добрѣе, особенно если около него сидѣла наша тетя: онъ не убѣгалъ отъ насъ, позволялъ играть съ нимъ и гладить его. Это былъ премилый звѣрокъ: веселый и бойкій; онъ бѣгалъ и прыгалъ по двору, пресмѣшно хрюкалъ и валялся на спинѣ, поднимая кверху лапки. Это была его любимая поза; какъ только завидитъ тетю Варюшу,—сейчасъ кувырнется

на спину и сдѣлаетъ умильную мордочку и очень бываль доволенъ, если она его погладить, похлопаетъ или почешетъ, какъ коту, шею.

Въ нашей усадьбѣ былъ только одинъ человекъ, къ которому Чушка никогда не могъ привыкнуть и котораго терпѣть не могъ. Это была скотница Марья. Гдѣ бы ни завидѣлъ Чушка Марью, онъ какъ-то особенно взвизгивалъ и стремительно убѣгалъ отъ нея и даже какъ-будто прятался.

— Марья, отчего тебя животныя не любятъ?—спрашивала скотницу тетя Варюша.

— А чего-жъ имъ, барышня, меня не любить?! Они меня любятъ, — отвѣчала всегда Марья своимъ невозмутимымъ голосомъ.

— Всегда у тебя съ ними исторіи: то корова забодаетъ, то гусь тебя щипнетъ, то кто-нибудь укуситъ... Навѣрно, ты ихъ сама обижаешь?

— Зачѣмъ я ихъ буду обижать? Я ихъ люблю,—возражала спокойно Марья.

Но тетя Варюша сомнѣвалась и говорила:

— Марья честная и толковая женщина, но мнѣ кажется, что она недобрая и бьетъ животныхъ.

Животныя, дѣйствительно, не любили Марью, и каждый досаждалъ ей по-своему. На что

ужь былъ у насъ безобидный песъ Полканъ, и тотъ ее укусилъ. Полканъ былъ сторожъ и жилъ на дворѣ въ будкѣ. Онъ былъ старый и глухой и никому въ жизни не сдѣлалъ зла; онъ и на людей-то лаялъ только потому, что надо было показать, что онъ сторожить домъ. Какая исторія вышла у него съ Марьей, и почему онъ ее укусилъ,—такъ и осталось для всѣхъ тайной.

Осенью мы переселялись изъ усадьбы въ городъ: папа отпраплялся на службу, а намъ надо было учиться. Съ грустью покидали мы родные поля и лѣса.

Незадолго до нашего отъѣзда изъ деревни у насъ произошло печальное событіе. Однажды мы всѣ завтракали, какъ вдругъ были поражены пронзительнымъ крикомъ, доносившимся со скотнаго двора: заливался, визжалъ поросенокъ. Тетя Варюша выскочила изъ-за стола и побѣжала со всѣхъ ногъ; мы всѣ дѣти—за ней.

И что же мы увидѣли?! Марья, какая-то растерянная, красная, гонялась по двору за поросенкомъ. Онъ прыгалъ на трехъ ногахъ и визжалъ, спотыкался, падалъ и снова вскакивалъ, убѣгая отъ преслѣдованій скотницы.

— Марья, что ты дѣлаешь? — закричала тетя Варюша.

— Хочу его поймать.

— Отчего онъ такъ кричитъ?

— Лапу себѣ прищипилъ...

— Какъ, гдѣ лапу прищипилъ?

— Да въ дверяхъ... Я шла и не замѣтила.

— Вѣчно у тебя исторіи, Марья! Не хорошо это! Надо же быть осторожной, доброй и ласковой съ животными, — сердилась и выговаривала скотницѣ тетя Варюша.

Между тѣмъ Чушка, завидѣвъ нашу милую тетю, довѣрчиво бросился къ ней и припалъ къ ея ногамъ и продолжалъ кричать. Тетя Варюша взяла его на руки, и мы всѣ вскрикнули отъ ужаса: въ боку у Чушки сидѣла огромная заноза... Съ трудомъ тетя Варюша вытацила ее, кровь такъ и брызнула изъ бока.

Тетя Варюша понесла бѣднаго Чушку на кухню, тамъ обмыла его рану, помѣстила его въ чуланъ и до самаго отъѣзда ухаживала за нимъ. Поросенокъ еще больше привязался къ ней: навѣрно, онъ былъ ей благодарень.

Передъ отъѣздомъ тетя Варюша долго говорила съ Марьей и убѣждала ее любить и беречь животныхъ и не обижать ихъ. Она даже

сказала, что привезетъ ей на сарафанъ, если на скотномъ дворѣ будетъ все благополучно.

Прощаясь, тетя гладила и ласкала Чушку и, улыбаясь, шутливо говорила:— «Смотри, не забывай меня, помни, что ты мой другъ и будешь жить у меня вмѣсто собаки».

Мы, дѣти, громко смѣялись. Ирочка сказала.

— Онъ, навѣрно, будетъ очень о васъ скучать, тетя Варюша.

Оля прибавила:

— Забыть васъ онъ не можетъ: вы сдѣлали ему столько добра, вы его вылечили.

— Свиныи о людяхъ не скучаютъ,—равнодушнымъ тономъ возразила Марья.—Они ничего не помнятъ, что имъ ни дѣлай. Свиныи—животныя глупыя, непонятныя... Уѣдете вы, барышня, и забудетъ васъ поросенокъ...

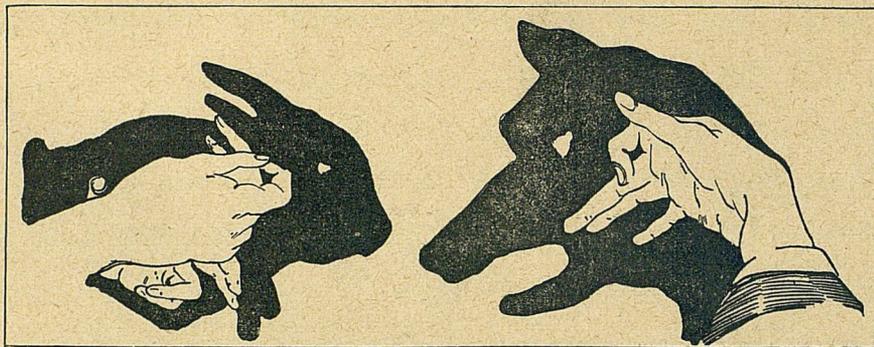
Но намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы Чушка могъ забыть тетю Варюшу.

Клавдія Лукашевичъ.

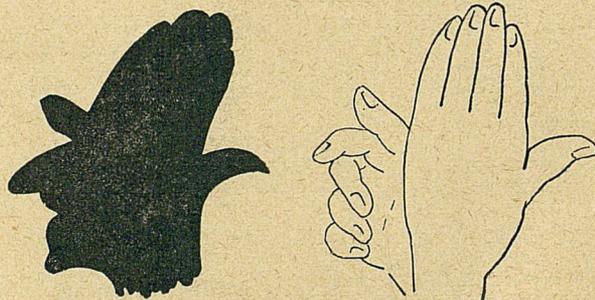
(До слѣдующей книжки).

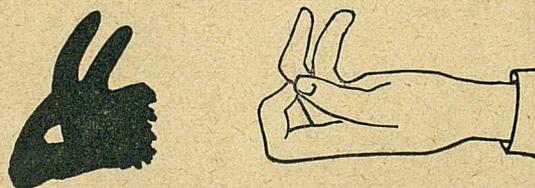
РУЧНЫЯ ТѢНИ.

Заяцъ и волкъ.

Веселый бородачъ въ шляпѣ.

Зайка.

Среди друзей.